

Шванева Д.Н.

УДК 316.61:397

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Тема повседневности, долгое время пребывавшая на периферии научного интереса, в настоящее время постепенно перемещается в центр внимания, о чем свидетельствует появление таких направлений исследований, как «история повседневности», «эстетика повседневности», «социология повседневности», «культура повседневности» и т.д.. Разнообразные проявления повседневной жизни - реалии быта, обыденное сознание, материально-предметная среда, окружающая человека, осознаются сегодня как особая культурная ценность.

Повышенное внимание к повседневности говорит, в первую очередь, о том, что человек во всей своей конкретности, т.е. реально существующий и вещественно определенный, вновь стал интересен для гуманитарных дисциплин. Некоторые из исследователей определяют ситуацию, которая сложилась к началу XXI века, как «антропологический ренессанс» [3, с.40].

Состояние, близкое к вышеописанному, гуманитарные науки переживали в XIX столетии, когда возникло научное направление, изучающее человека как субъекта культуры – культурная антропология. Интерес к экзотическим явлениям жизни примитивных обществ колонизированных территорий заставил тогда европейских исследователей оставить умозрительные теории и заняться непосредственным описанием культурных феноменов, их систематизацией и сравнительным анализом.

Для представителей культурной антропологии всегда было характерно стремление обращать внимание на так называемые традиционные культуры. Ведя полевые исследования и записывая свои наблюдения, они, по сути, занимались описанием повседневности первобытного человека. Но, тем не менее, в трудах классиков культурной антропологии, таких как Э.Тайлор, Дж.Фрезер, Б.Малиновский, Л.Леви-Брюль и К.Леви-Стросс, нет «повседневности» в качестве самостоятельной категории. Поэтому мы считаем целесообразным рассмотреть выводы, сделанные в рамках культурной антропологии, в свете современного представления о повседневности. Авторитетную концепцию повседневности на сегодняшний день представляет так называемая социальная феноменология, основанная на идее Э.Гуссерля о «жизненном мире» и разработанная А.Шюцем, а также феноменологическая социология знания П.Бергера и Лукмана. Феноменология, как известно, своей задачей ставит беспредпосылочное описание опыта познающего сознания. Социальная феноменология и феноменологическая социология знания, говоря кратко и обобщенно, занимаются проблемой обыденного сознания и описанием особенностей его восприятия социальной реальности. Таким образом, нас, в первую очередь, интересуют сведения антропологов об особенностях первобытного сознания. Обобщая этот богатый материал, мы предлагаем следующие выводы:

1) Первобытное сознание – продукт родоплеменного общества, в котором решающую роль в выживании играют кооперация коллективных усилий, и индивидуальный интерес совпадает с интересами группы, поэтому сознание первобытного человека, по сути, – общественное, коллективное, является плодом коллективных обычаев и привычек [2, с.181].

2) Первобытное сознание неотделимо от коллективных представлений – магии, религии и мифологии, – которые влияют на его восприятие объективной реальности. Коллективные представления примитивного общества – это, по сути, мистические представления об окружающем мире и его явлениях [4, с.131]. В первую очередь, они заключают в себе знания о природе, от которой первобытный человек в высшей степени зависим. В силу отсутствия науки в примитивном обществе, они не обладают объективностью, с точки зрения современного человека. Коллективные представления достаточно устойчивы ко времени и новому опыту, так как основаны на священном – в глазах дикаря – авторитете традиции.

3) Для первобытного сознания не существует границы между реальностью и вымыслом. Так, для дикаря сон, видение, сюжет мифологического рассказа одинаково реальны, что и события повседневной жизни, более того, эти маргинальные состояния человеческого сознания являются для дикаря более авторитетным источником информации, чем восприятие мира в бодрствовании [4, с.135], [6, с.222].

4) Наблюдения за магическими обрядами и анализ магических верований показывают, во-первых, что первобытное сознание не рефлексивно [7, с.21], то есть первобытный человек не осмысливает свои действия и не анализирует свои мысли, во-вторых, что мышление дикаря имеет практическую направленность, так как магия в целом предназначена для практических целей: достижения успеха в охоте, войне, земледельческой работе, человеческих взаимоотношениях и т.д. [5, с.86].

Теперь обратимся к понятиям социальной феноменологии, необходимым для нашего дальнейшего рассуждения. В этой области знания нас, в первую очередь, интересуют понятия «мир повседневной жизни», «естественная установка сознания» и «конечные области значения».

Говоря кратко, «мир повседневной жизни» – это интерессубъективный мир культуры, который мы разделяем с другими людьми, данный нашему восприятию как универсум значений, возникающий и институционализирующийся в человеческой деятельности [8, с. 13, 421]. «Естественная установка сознания» – понятие, введенное Э.Гуссерлем, – это ментальная позиция человека в повседневной жизни, которая характеризуется как не рефлексивная в отношении восприятия окружающего мира, который представляется нам как неоспоримая данность, принятая на веру, а также реальность, к которой мы испытываем, в первую очередь, прагматический интерес, связанный с нашей практической деятельностью. «Конечные области значения» – это различные сферы субъективной реальности сознания, которые, по сути, представляют собой различные формы человеческого воображения: мир сновидений, искусства, религиозного опыта и т.д., т.е. коллективные представления примитивного общества – это «конечные области значения». Мир

повседневной жизни признается нашим сознанием как высшая реальность, так как она требует наивысшего напряжения сознания и материального присутствия нашего тела [8, с. 424].

С точки зрения социальной феноменологии, во-первых, сознание примитивного человека находится в естественной установке, и находится в ней постоянно, так как он никогда не занимает позиции осознанной рефлексии в отношении своих поступков и мыслей, но направлен на достижение практических результатов. Во-вторых, для первобытного сознания не существуют «конечные области значения» как второстепенные по значимости в сравнении с миром повседневной жизни воображения, так как они воспринимаются так же реально и даже с большим доверием, чем явления повседневной жизни. Соответственно, для примитивного человека не существует мира повседневной жизни как верховной реальности.

Следовательно, становится актуальным вопрос того, уместно ли в принципе применение понятия «повседневность» в отношении жизни первобытного общества, если ее существование остается под сомнением. Мы можем дать, по крайней мере, два ответа на этот вопрос.

Если подразумевать под «миром повседневности» сферу реальности, отличную от «конечных областей значения» по признаку наивысшего напряжения сознания, и признаваемую в качестве верховной реальности, т.е. такую, в которой живет современный человек, то нам придется признать, что в начальные эпохи истории повседневности как таковой не существовало, и повседневность – это продукт длительного исторического развития.

Но если взять во внимание то, что естественная установка сознания характеризует ментальную позицию человека в повседневной жизни, то мы со всей смелостью можем утверждать, что повседневность – это вся примитивная культура.

Таким образом, мы можем только, избегая противоречий, утверждать, что, как и в примитивном сознании, так и в примитивной культуре не существует разделения между областью повседневных явлений и миром коллективных представлений, и самая подходящая характеристика первобытной культуры – это синкретизм. Насколько переплетаются сферы сакрального и профанного в жизни примитивного человека, видно из того факта, что коллективные представления одновременно представляют собой сакрализованные знания и имеют вполне практическое назначение. Функции их затрагивают все сферы жизни первобытного общества: это и универсальный, и, главное, достоверный для дикаря, источник информации, практических рекомендаций (магия), права (мифология), не говоря о важной социальной функции поддержания существующей общественной структуры и сплочения коллектива перед лицом угрозы смерти с помощью сакрализации необходимых человеческих потребностей (религия). Стоит выделить особую роль мифологии. Миф – способ обобщения повседневного опыта, а также способ передачи этого знания в форме традиции. Мифология, как утверждают П.Бергер и Т.Лукман, – это «символический универсум». Функция мифологии как символического универсума заключается в следующем: мифология упорядочивает повседневные роли, приоритеты и действующие правила, этапы личной биографии, определяет субъективную идентичность индивида, выступает в качестве защитного механизма для социального порядка, т.е. мифология «расставляет все по своим местам» в жизни первобытного человека [1, с.157-168].

Таким образом, повседневность первобытного человека существенно отличается от повседневности современного человека. Во-первых, потому, что повседневность – в современном ее понимании как область привычного, рутинного, – невыделима из синкретичного комплекса примитивной культуры, т.е. она не имеет границ со сферами человеческого воображения, которые А.Шюц называет «конечными областями значения». Говоря образно, повседневность примитивного человека, как и его сознание, пропитана мистикой. Можно сказать, что разделение реальности на различные слои в нашем сознании – продукт длительного исторического развития человечества, а также результат развития научного мировоззрения.

Источники и литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм // Классики мирового религиоведения. – М. : Канон, 1998. – Т. 2: Мистика. Религия. Наука. – С. 174-231.
3. Козьякова М. И. История повседневности как онтология культуры / М. И. Козьякова // Высшее образование для XXI века : V междунар. науч. конф. (Москва, 13-15 ноября 2008 г.) : доклады и материалы / отв. ред. А. В. Костина. –2-е изд., испр. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – Секция 9: Высшее культурологическое образование: ч. II. – С. 39-46.
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль // Психология мышления // под ред.: Ю. Б. Гипшенрейтер, В. В. Петухова. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – С. 130-140.
5. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский; сост. С. Удовик. – М. : Рефл-бук, 1998. – 290 с.
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 573 с.
7. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрэнгер. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 528 с.
8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; [пер. с нем. и англ.]. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.